

Данные к истории  
венгеро-славянских межъязыковых контактов  
Русинский язык как источник истории венгерского языка  
(Материалы к истории звуков типа *é* в венгерском языке  
средневенгерского периода)

ИШТВАН УДВАРИ

UDVARI István, BGyTF Ukrán és Ruszin Tanszék, Nyíregyháza, Sóstói út 31/b, H-4400

**Abstract:** The language of the Rusyns in Bács-Szerém (Yugoslavia) became a literary language at the beginning of the twentieth century. In the Hungarian loanwords of this literary language in the place of the standard *é* phoneme we found *i*, *e* and *ei* variants. The reason for this can be found in the phonological system of the Hungarian dialects the words are taken from. The modern standard Hungarian *é* phoneme in the northeast dialects is an opening *ië* or a closing *ëi* diphthong. The Rusyn *i* originates from the Hungarian *ië* diphthong and the Rusyn *ei* from the Hungarian dialectal *ëi* diphthong.

**Keywords:** the Rusyn language in Bács-Szerém, the *é* phoneme, northeast Hungarian dialects, diphthongs

0. Источниками истории венгерского языка считаются: родственные языки, языки соседних народов, памятники, старые венгерские учебники, современный венгерский язык со своими диалектами и общая лингвистика. Нас интересуют языки соседних народов.

а) Их данные полезны для истории венгерского языка потому, что указывают на исходные формы заимствований. Например, слав. *малина* > венг. *málna*; слав. *палица* > венг. *pálca*; слав. *поток* > венг. *patak*; слав. *клас* > венг. *kalász*; слав. *стол* > венг. *asztal*; слав. *крест* > венг. *kereszt*. Сопоставляя исходные формы с современными, можно сделать разные ценные выводы о тенденциях в развитии языка. Например, параллели *крест* — *kereszt*, *клас* — *kalász*, и т.д. указывают на то, что во время заимствования венгерский язык еще не терпел стечения согласных.

б) Полезны для истории венгерского языка и те венгеризмы (унгаризмы), которые попали в соседние языки. Например, венгерские слова *város*, *vármegye*, *avas*, *tolvaj*, и т.д. имеют в румынском языке, в диалектах формы: *oraș*, *oaș*, *tuloaie*, *ormeghie*, которые указывают на то, что во время заимствования на месте губно-зубного *v* в венгерском языке было губно-губное *w*.

в) Естественно, что данные венгерского языка тоже полезны для других языков. Например, венг. *rend*, *péntek*, *galamb*, *szombat*, *gomba*, *korong*, *abroncs*, *szerencse* (ср. слав. *рѣдъ*, *рѣтъкъ*, *golѡбъ*, *krѡгъ*, *obrѡčъ*, *srętet-*) и др. указывают на то, как произносили старые славяне носовые гласные.

Цель настоящей статьи — указать на следующий факт: данные русинского языка, как одного из соседних языков, представляют важный, ценный источник для исследований истории венгерского языка и истории венгерской диалектологии.

1. Новый грандиозный диалектологический синтез, осуществляющий исключительно дескриптивные принципы, считает типической областью различия венгерских фонем  $\acute{e}$ – $\acute{e}^2$  сегодняшний комитат Саболч-Сатмар и соседние венгерские поселения, находящиеся на территории Украины. Работа Ш. Имре в связи с этим намекает и на то, что в раннем периоде истории венгерского языка находилась фонологическая противоположность фонем  $\acute{e}$ – $\acute{e}^2$  в диалектах, лежащих в соседстве комитата Саболч-Сатмар. Это предположение имеет соответствие с диалектологическим синтезом Б. Кальмана, опирающимся на предшествующие исследования. В синтезе Кальмана упоминается существование фонем  $\acute{e}$ – $\acute{e}^2$  в южно-восточных частях земплинского комитата. В отражении венгерских заимствований бачско-сримского русинского языка мы можем с большой вероятностью предположить, что противоположность  $\acute{e}$ – $\acute{e}^2$  находилась и в земплинско-абауйских областях в XVI–XVII вв.

Известно, что в одних венгерских диалектах литературный звук  $\acute{e}$  реализуется в двух звуках, дифтонгах, которые имеют там фонологическую противоположность. Один закрывающийся, как в словах *portéjka* ~ *portéka* ‘товар’, *rejszeg* ~ *részeg* ‘пьяный’, *éig*~*ég* ‘небо’ и т.д., а другой открывающийся дифтонг *ieg* ~ *ég* ‘горит’, *sziep*~*szép* ‘красивый’, *niegy* ~ *négy* ‘четыре’.

2. Бачско-сримские русины живут в Югославии в Войводине и Хорватии. Русинское население насчитывает всего 42 тысячи человек. Его история, как история отдельной языковой, этнической группы, начинается в середине XVIII в., когда русины переселились из области комитатов Земплин, Абауй и Северный Боршод на Юг, в Бачкерестур и в Куцору.

3. Бачско-сримский русинский язык является одним из пяти официальных языков СПА Войводины Югославии, кроме сербскохорватского, венгерского, словацкого и румынского языков. На словацкую диалектологическую ценность русинского указывал венгерский ученый П. Кирай. Украинские ученые П. Чучка, И. Дзензелевский обращают внимание на то, что архаичность языка русинов дает возможность при его изучении сделать ряд выводов по украинистике и по карпатологии. А для венгерской лингвистики значителен тот факт, что архаичный язык русинов, имеющих контакты с венграми в течение долгих веков, в начале XX в. стал литературным языком, представляет собой такой языковой материал, на основе которого прекрасно можно изучать венгерско-славянскую языковую интерференцию. Художественные произведения на русинском литературном языке показывают, что влияние

венгерского языка обнаруживается на каждом уровне русинского языка. Но само собой разумеется, что это влияние не осуществлялось одинаково на каждом уровне языковой системы. Венгеризмы более заметны в лексике. Значительная часть венгерских заимствований укоренилась в русинском языке в результате непосредственного народного — языкового, экономического, культурного — контакта русинов и венгров. Группировка по тематике венгерских заимствований освещает то, что венгерский язык повлиял на бытовую лексику и на лексику, связанную с крестьянским хозяйством. Значительно и количество венгеризмов, относящихся к растениям и животным. В каждой тематической группе находятся архаизмы. Часть заимствований, в первую очередь те, которые обозначают традиционный крестьянский быт и хозяйство, архаизируется. Эта архаизация объясняется и революционным изменением рамок и содержания крестьянского быта и хозяйства, которое произошло в XX в. Часть венгерских заимствований в соответствии с общественно-политическими изменениями, параллельно с возникновением норм русинского языка вытесняется из русинского языка русинскими неологизмами, сербохорватскими заимствованиями. В результате устойчивой работы сторонников культуры речи этот процесс особенно заметен в русинском литературном языке.

Рассматривая результаты фонетического изучения и сопоставления данных карпато-украинских и словацких говоров, можно однозначно констатировать: место большинства заимствований — территория Карпат, время — XVI–XVII вв. Некоторые из венгерских заимствований восходят к старовенгерским формам, и всего десяток венгерских слов входило в русинский язык в Бачке (большинство этих слов было заимствовано в XIX в., другие — в XX в.).

Хотя в сербохорватских диалектах находится много венгерских заимствований, все-таки кажется, что сербохорватский язык — по нашим сегодняшним знаниям — не посредничал заимствованию венгерских слов в русинский язык. Но сербохорватские диалекты Войводины могли и могут способствовать употреблению венгерских элементов русинского языка.

Исходя из факта, что русины более 200 лет назад внесли с собой большинство венгерских заимствований на Юг, данные русинского языка могут пролить новый свет на представление трактовки о хронологии венгерских заимствований в словацких и украинских говорах.

Главным орфографическим принципом русинского языка является морфологический принцип, но в правописании иностранных слов осуществляется фонетический способ написания. Соответственно этому, письменная форма верно отражает звуковую оболочку венгерских заимствований устной речи.

**4.** В венгерских заимствованиях бачванско-сримского русинского языка на месте венгерского литературного *é* находятся звуки *и*, *е*, *ей*.

Само собой разумеется, что эти соответствия можно понять только по данным передающего диалекта (таких данных мало). Само собой разумеется и то, что слова венгерского происхождения русинского языка указывают на то, как реализовалось венгерское *é* на территории и во время заимствований.

**4.1.** Слова, указывающие на субституцию венг. *é* > рус. *e*: *Ердель* < *Erdély* 'Трансильвания'; *кашмель* < *kastély* 'замок'; *пинтер* < *pintér* 'бондарь'; *рошмель* < *rostély* 'решетка'; *филлер* < *filler* 'филлер' происходят из литературного венгерского языка, но во всяком случае под влиянием письменного венгерского языка попали в русинский язык. Слова *Беч* < *Bécs* 'Вена', *фела* < *féle* 'какой-то' отражают сербохорватское влияние.

**4.2.** Слова, указывающие на звуковое соответствие венг. *é* > рус. *ей*: *Бейч* < венг. диал. *Bejcs* 'Вена'; *крейда* < венг. диал. *krejta* 'мел'; *реймеи* < венг. диал. *rejtes* 'слоенный пирог'; *портейка* < венг. диал. *portejka* 'товар'; *сейковити* < венг. диал. *szejk* 'солончаковый'; *шеймац* < венг. диал. *sejtál* 'гулять'; *шеймалов* < венг. диал. *sejtálov* 'маятник'; *шеймаловац* < венг. диал. *sejtál* 'качаться' свидетельствуют о таких венгерских формах, в которых *é* реализовалось в закрывающемся дифтонге *éi*.

**4.3.** Звуковое соответствие венг. *é* > рус. *и* проблематично, потому что те морфемы, в которых находится литературный *é*, в одних венгерских диалектах икающие, а в других в этих морфемах находится т.н. *é<sup>2</sup>*. С фонетической точки зрения русинский *и* может быть производным из форм с монофтонгическими *é*, *i*, *é*, но также и из форм с дифтонгическими *ie* (Лизанец 1976, 125–127; Дэжэ 1958, 86–87). Таким образом нельзя точно определить, что в заимствованных венгерских словах какой звук был на месте современного литературного *é*.

**4.3.1.** Звук *и* в русинских словах внушает нам, что в словах-источниках на месте современного *é* был звук *i*. Ср. *марадик*, *тавалір*, *летинь*, *биреш*. Зато нет достоверных исторических данных о том, что область земплинско-абауйская в среднем периоде истории венгерского языка была бы икающей (Бенкё 1957, 75, 89). И на основе современного диалектологического материала не представляется возможным делать подобные выводы (Имре 1971, 111–126). Вопреки тому, что русинские формы с *и* удобно объясняемы своим происхождением из венгерских икающих форм, на основе вышеизложенных предположений можем констатировать: полная вероятность данного происхождения не находит своего подтверждения.

**4.3.2.** По показаниям современных данных передающего диалекта кажется более вероятным то, что *и* в стоящих под вопросом словах происходит из *é* или, скорее всего, из *ie*. В современных северо-восточных венгерских диалектах на месте икающих *i* (или на месте т.н. *é<sup>2</sup>*) находится *é ~ ej*, и это *é ~ ej* прекрасно объясняется происхождением из *ie*. Это мы представляем так, что раньше в XVI–XVIII вв. осуществилась фонетическая противоположность фонем *é-é<sup>2</sup>* со звуковыми реали-

зациями *ej* ~ *é* — *ie*. Под влиянием распространяющейся литературной нормы эта противоположность в реализации смешалась, в результате этого исчезла и фонологическая противоположность. Это предположение поддерживают и слова *танэр* и *галэр*, без сомнения представляющие собой старые и народные заимствования. Звук *e* на месте ожидаемого *i* в этих двух русинских словах можно объяснить тем, что элемент *e* венгерского дифтонга *ie* сохранился в русинском языке как другой *e* (ср.: *геверовац* < *hever*, *бендов* < *bendőü*), а элемент *i*, палатизируя *l* и *n* слился с этими звуками. Значит, *буреш* < *büres* ‘арендатор’; *гавалір* < *gavallier* ‘кавалер’; *дикинь* < *gyékény* ‘рогоз’; *дїллиш* < *gyüllies* ‘собрание’; *жумбик* < *zsombiek* ‘кочка’; *кефетик* < *kötőféjk* ‘недоуздок’; *летинь* < *legény* ‘парень’; *летинь* < *lepény* ‘лепешка, пирог’; *марадик* < *maradiek* ‘кнопка’; *минеш* < *mişes* ‘табун’; *оцилка* < *aciel* ‘сталь’; *миров* < *mérőü* ‘сосуд для измерения’; *рис* < *riesz* ‘издольщина’; *рум* < *riet* ‘луг’; *сетинь* < *szegény* ‘бедняк, человек, достойный сожаления’; *сетинь* < *szegies* ‘конёк, хребет крыши’; *цидула* < *cigdula* ‘карточка, бумажка, записка’.

5. Как видно, венгерские заимствования очень последовательно сохранили то свойство земплинского и абауйского венгерских говоров, по которому во время заимствования осуществилось противопоставление фонем *é*–*é<sup>2</sup>*. Русинские данные свидетельствуют даже о том, что фонема *é* реализовалась в закрывающемся дифтонге *ej*. Слова, которые возникли из форм с *é<sup>2</sup>*, не отражают фонетический характер фонемы *é<sup>2</sup>*. Мы предполагаем на основе аналогии современного саболч-сатмарского говора, что фонема *é<sup>2</sup>* не реализовалась исключительно ни дифтонгически, ни монофтонгически (Имре 1971, 275; Шебештен 1958, 101–105). Этому заключению не противоречат ни лексические данные восточнословацких диалектов, ни данные лемковского острова села Комлошка (Кирай 1964; Шипош 1939; Балецкий 1959).

6. При исследовании карпато-украинских памятников можно прийти к более обширному выводу: противоположность фонем *é*–*é<sup>2</sup>* распространилась только на западную часть т.н. северо-восточной диалектной территории. Украинские языковые памятники комитатов Берег, Унг, Уточа в отношении диалектной реализации сегодняшнего литературного *é* никакой последовательности не показывают (Дэжэ 1958, 86–87).

7. В этой статье нами была сделана попытка проиллюстрировать тот классический тезис, по которому венгерские элементы в других языках могут служить точками опоры в изучении истории венгерского языка или венгерских диалектов. Изыскание языковых контактов народов, тесно связанных друг с другом в течение многих столетий, считается важной областью языкознания, и не может быть периферийной темой исследований. Язык, получивший ранг государственного языка, заслуживает более подробного изучения еще и в силу того, что его данные представляют один из источников венгерской диалектологии.

## Литература

- Балецкий 1958 — *Балецкий Э.* Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии: *Studia Slavica Hung.* 4 (1958) 23–46.
- Бенкё 1957 — *BENKŐ L.* Magyar nyelvjárástörténet. Budapest 1957.
- Чучка 1973 — *Чучка П. П.* О чим шведочи антропонимия войволянских Руснакох: Шветлосц 1973, ч. I, с. 95–111.
- Дэжэ 1958 — *Дэжэ Л.* К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI–XVIII вв.: *Studia Slavica Hung.* 4 (1958) 71–96.
- Дзензелевский 1976 — *Дзензелівський Й. О.* Володимир Гнатюк як мовознавець...: Науковий Збірник музею української культури у Свиднику 7 (Пряшів 1976) 207–251.
- Имре 1971 — *IMRE S.* A mai magyar nyelvjárások rendszere. Budapest 1971.
- Кальман 1966 — *KÁLMÁN B.* Nyelvjárásaink. Budapest 1966.
- Кирай 1953 — *KIRÁLY P.* A kelet-szláv nyelvjárás nyomtatott emlékei. Az 1750–58. évi könyvek szótára. Budapest 1953. 246–274.
- Кирай 1964 — *KIRÁLY P.* Die ungarischen Lehnwörter einer ostslowakischen Gemeinde: *Studia Slavica Hung.* 10 (1964) 221–236; 11 (1965) 95–107.
- Лизанец 1976 — *Лизанец П. Н.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгеро-украинские межъязычные связи. Будапешт 1976.
- Лизанец 1977 — *Лизанец П. М.* Фонетичне засвоєння та морфологічне оформлення мадяризмів в українській мові: *Studia Slavica Hung.* 23 (1977) 29–68.
- Шебештен 1958 — *SEBESTYÉN Á.* A Csüry-féle szamosháti é fonológiai értékeléséhez: *Magyar Nyelvjárások* 4 (1958) 101–105.
- Шипош 1939 — *SÍPOS I.* A magyar nyelv hatása Alsó-mihályi tót nyelvére. Kassa 1939.